

Э.Р. Когай

к.ф.н., доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан
e-mail: elmira_kogay@live.ru

**Концепт «Город»
в индивидуально-авторской картине мира Тимура Зульфикарова**

В статье рассматриваются содержательные компоненты концепта «Город». Выявляются национально-культурный и индивидуально-авторский слои. Автор статьи подробно описывает «пассивный слой» концепта «Город». Материалом описания послужили произведения известного современного писателя Тимура Зульфикарова. Исследователем были выделены языковые средства, репрезентирующие концепт «Город»: лексические единицы в прямом смысле, метафорические обозначения, сравнения, эпитеты, образные ассоциации, символические уподобления. Обращение к контексту употребления языковых единиц, репрезентирующих концепт «Город», позволило выявить периферию концепта и описать смысловые оттенки, не зафиксированные лексикографическими источниками, обнаружить лингвокогнитивные особенности исследуемого концепта.

Ключевые слова: концепт, индивидуально-авторский компонент концепта, активный слой концепта, пассивный слой концепта, языковые средства, метафора, эпитет.

Э.Р. Когай

**Тимур Зульфикаровтің дербес-авторлық болмыс бейнесіндегі
«Қала» концепті**

Мақалада «Қала» концептінің құрылымдық компоненттері қарастырылып, әмбебап, ұлттық-мәдени және жеке авторлық қабаттары анықталады. Автор «Қала» концептінің «пассивті қабатына» егжей-тегжейлі сипаттама береді. Зерттеу нысаны ретінде атақты жазушы Тимур Зульфикаровтің еңбектері қолданылады. Зерттеу барысында «Қала» концептін сипаттайтын темпоралдық реңкті сөздер, метафоралық анықтаулар, теңеу, эпитет, образдық ассоциациялар мен символ мағыналы сөздер секілді лексикалық бірліктер айқындалады. Тікелей «Қала» концептін қолдану контекстін қарастыру арқылы концепт өрісінің перифериясын дәлдеп, сөздіктерде бекітілмеген мағыналық реңктерді, сонымен қатар лингвомәдени ерекшеліктерін белгілеу жүзеге асырылады.

Түйін сөздер: концепт, концептінің дербес-авторлық компоненті, концептінің белсенді қабаты, концептінің пассивті қабаты, тілдік құралдар, метафора, эпитет.

E.R. Kogay

The concept of «Town» in signature worldview of Timur Zulfikarov

The article deals with the substantial components of the basic concept of «Town». National-cultural and individual layers are identified. It holds in-detail description of the «passive layer» of the concept of «Town». As the material of description the works of the famous contemporary writer Timur Zulfikarov were considered. The researcher highlights language means that represent the concept of «Town»: lexical units in the literal sense, metaphorical designations, comparisons, epithets, figurative associations, symbolic assimilation. The focusing on the context of language units representing the concept of «Town» gives an opportunity to reveal the periphery of the

concept, to describe the meaning shades that are not fixed in any lexicographical sources, and finally to discover the peculiarities of studied concept in linguocultural aspect.

Key words: concept, signature components of the concept, the concept of the active layer of the concept, the passive layer of the concept, language tools, a metaphor, эпитет.

Пространство – составляющая картины мира, которая определяет жизнь человека. Пространство связано с протяженностью мира, его структурностью, многомерностью. Разновидностями пространства выступают дом, город, страна, космос, вселенная. В соответствии с антропоцентрической картиной мира в центре пространства находится человек. Он мера всех вещей, он – точка отсчета. По отношению к человеку различают ближайшее пространство и дальнее пространство. Город, как и дом – ближайшее пространство, с одной стороны он отгораживает человека от внешнего мира (не случайно у слов «город», «городить», «отгораживать» один корень), с другой стороны – связывает человека с внешним миром.

По данным «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера слово «город» близко по значению к украинскому «город», старо-славянскому «градъ», болгарскому «градът», словенскому «grad», чешскому «hrad», польскому «grod», верхнее-лужицкому «hrod», кашубскому «gard», полабскому «gord», литовскому «gardas» – ограда, древнеиндийскому «grhas» – дом, авестийскому «gəgədbō» – пещера [1, 443].

В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» отмечает: «город, городьба, ограда около жилья, населения. // Крепость, укрепленное стенами место внутри селения, кремль. // Селение, обнесенное городьбой» [2, 380].

В тюркских и иранских языках в значении город употребляются слова «кала», «кент», «шахр», «шахар». Обратимся к данным толковых словарей. «Кала – турк. диал, gala – тур. диал, қала – кбал., кирг., каз., ккал., ног., уйг., фйг. диал., уз. хала – як. 1) класть, складывать; наваливать, накладывать; сваливать в кучу, собирать; 2) свалить в одно место (преимущественно дрова); 3) топить/затопить печь; разжигать огонь/очаг; 4) гореть, воспламенять (алт.); 5) класть, возводить – кир (стену), каз., ккал., ног., сюг» [3, 228]. В таджикском языке сохранилось слово «қалъа» в значении «город» [4]. Оно употребляется в составе топонимов, например: Кой-Крылган-кала, Топрак-кала, Кафыр-кала, Джанбас-кала.

«Кент – турк. устар. 1) город, городок (ккал., уз. устар), местечко; 2) большой кишлак – наз.; село, селение, деревня – турк. устар.; 3) окончание, присоединяемое к названиям городов в восточных областях. Как будто общепризнанным является мнение о том, что слово кент попало в тюрк. языки из согд., где оно представлено как knđh «город» [3, 44]. Слова «кент», «канд» можно встретить в составе слов: Ташкент, Пенджикент, Янгикент, Самарканд, Коканд, Конахкент и др.

«Шахр» – тадж. город» [4]. Сохранилось в названии «Шахристан». «Шахристон – ист. 1. основная укрепленная часть города; 2. археол. шахристан (городище, раскопки городища)» [4]. «Шаһар» – узбек. город; портовый ~ порт шаһри; столичный ~ пойтахт; областной ~ область шаһри; 2 разг. шаһар халқи, аһолиси, бутун шаһар; весь ~ об этом знает буни бутун шаһар билади; 3 ист. қалъа, қала; городок-городок м, р. -дка 1 уменьш. от город 1 кичкина шаһар, шаһарча; 2 шаһарча; рабочий ~ ишчилар шаһарчаси; университетский ~ университет шаһарчаси» [5].

Приведенные лексикографические данные позволяют сделать вывод, что и в индоевропейских, и в тюркских языках городом называли место или местечко, определенным образом огороженное, защищенное, возведенное человеком. Первоначально города представляли собой военные крепости. Обнесенные высокой стеной, они были отграничены от окружающего пространства. Внутри них протекала жизнь, отличная от жизни за пределами крепостных стен.

Таким образом, город – разновидность пространства, отгороженная от внешнего мира и ассоциирующаяся со «своим» пространством. Граница города – граница «своей» родной земли, родины. «Границы, проходящие в пространстве, занимают важное место в культуре. Это самый напряженный, конфликтный участок символического пространства, где человека часто подстерегают повороты судьбы. Во-первых, потому, что граница – место наибольшего удаления от центра «своего» мира, а значит, это место, где максимально ослаблены защитные силы «своего». Во-вторых, потому, что это место, где начинают действовать законы «чужого» пространства» [6, 91]. По мнению В.Б. Касевича восприятие пространства в картине мира «...всегда трактуется в системе мировоззренческих оппозиций, релевантных для данного культурно-исторического сообщества: специфические черты того или иного конкретного пространства определяются отношениями не между объектами, а оценочным отношением к пространству субъекта, обычно коллективного» [7, 137].

Обратимся к информационно-эксplikативным текстам и данным этимологических словарей, которые наряду с другими языковыми средствами входят в номинативное поле концепта и обеспечивают его описание. «Город – населенный пункт, достигший определенной людности и выполняющий преимущественно промышленные, транспортные, торговые, культурные, административно-политические функции» [8, 325].

Этимологические и энциклопедические данные позволяют сделать вывод, что концепт «Город» образуется следующими компонентами значения: во-первых, топоним – определенным образом ограниченное и организованное пространство, характеризующееся определенным характером застройки, функциональной предназначенности. Прежде всего – это улицы, дома, общественные и культовые здания, они создают внешний облик города, его лицо. Архитектура города – его основной отличительный признак. Невозможно перепутать европейский город с его соборами и ратушей и восточный город с его мечетями и базарами; старинный каменный город с его историческими достопримечательностями и современный бетонный мегаполис с типовыми многоэтажными домами.

Во-вторых, город – это место, населенное людьми (или персонифицированный город), проживающими и работающими в данном месте (образ жизни этих людей). Именно горожане создают «лицо» города, его настроение, культуру, традиции, историю. Жители Алматы и Ташкента, Душанбе и Ферганы, Бухары и Самарканда отличаются национальной принадлежностью, языками, профессиональными навыками, имеют различную манеру поведения, характер, менталитет.

В-третьих, город – это место с особой, только ему присущей культурой и историей. Отсюда, кстати, рождается оппозиция древний город / современный город. Выделяются и другие оппозиции: город / селение, кишлак, аул, аил; городской образ жизни / кочевой образ жизни. Культурные особенности города – это «пласт» концептуального значения, который представляет особый интерес. Данный аспект концепта ярко актуализируется в художественной литературе. Вспомним, например, Петербург Ф.М. Достоевского и Н.В. Гоголя, Москву М.А. Булгакова и М.И. Цветаевой, собирательный образ провинциального уездного городка А.П. Чехова, Дублин Дж. Джойса, Париж О. Бальзака.

В современной литературе Центральной Азии концепт «Город» представлен знаками: Душанбе, Самарканд, Бухара, Ташкент, Алматы, Бишкек. Рассмотрим знак «Душанбе» подробнее. Для этого обратимся к произведениям Т.К. Зулфикарова: роману «Коралловая эфа» и сборнику «Земные и небесные странствия поэта».

«Душанбе» – с таджикского «понедельник», по версии историков именно по понедельникам у небольшого селения работал большой базар, на месте которого позднее возник город. Душанбе – город, который в советский период был переименован в Сталинобад. Душанбе – родной город поэта, «герой» многих его произведений. В произведениях Т.К. Зулфикарова не встретишь эпического описания Душанбе. Перед читателем зарисовки, наброски, этюды любимого города, воспринимаемые сквозь призму

истории страны и одновременно – воспоминаний и переживаний писателя. Перед читателем город-воспоминание, представленный субъективно, лично:

«...И полетел в Таджикистан этой же осенью...

...Я много лет не был на родине, в *родном Душанбе*.

Я боялся ехать в *страну воспоминаний*...

Я боялся ехать на *живое кладбище*...

Многие друзья и возлюбленные мои погибли в гражданской войне, многие уехали, многие спились, сошли с ума, надломались до неузнаваемости, разрушились, поникли до собаки бездомной...» [9].

Жизнь Тимура Зульф리카рова, жизнь его семьи неразрывно связана с жизнью родного города. Сталинобад-Душанбе становится одним из действующих лиц в жизнеописании «дервиша Ходжи Зульф리카ра» и занимает важное место в его аксиологической системе, о чем свидетельствуют эпитеты «родной», «святой», «блаженный»: «Они убивали людей прямо в тюрьме. А тюрьма находилась в самом центре *родного моего пыльного, святого города Сталинабада*» [9]; «Я уже седой поэт, я приехал вернулся из лютой Москвы ненадолго в *родной такой маленький неказистый кривой блаженный городок Душанбе*...» [10]. Оказиональные антонимы «лютая» (Москва) и «родной» (Душанбе) усиливают ощущение привязанности поэта к городу детства.

В индивидуально-авторской картине мира Т.К. Зульф리카рова город Душанбе представлен ни как топос, а как часть внутреннего мира писателя, причем самым любимым местом становятся окраины города. Именно «пыльные», «бедные», «кривые» окраины воспевает поэт в своих произведениях, похожих на сны-медитации. Гражданская война в Таджикистане «расколола» жизнь и воспоминания поэта на время до войны и после войны, что, естественно, отразилось и на восприятии города. Импрессионистические зарисовки цветущего, утопающего в розах и миндале города, овеваемого свежим горным воздухом, сменяются апокалипсическими картинами Душанбе, охваченного пламенем братоубийственной войны. Сравним образ мирного города детства в песне «Декабрьские розы» (именно так автор определяет жанр своего произведения) с образом воюющего Душанбе в рассказе «Фатя»:

«Ах, мой *родной Душанбе*,

Где *розы цветут* в декабре,

Где *розы поют* в декабре,

А *чинара свой лист золотой* упускает...» [10].

Через семантику слов «роза», «чинара», «цветут», «поют», «золотой», несущих в себе мощный заряд эстетизированного восприятия города и его положительной оценки, Тимур Зульфикаров создает светлую пастельную картину мирного благоуханного города. Перед читателями город-воспоминание детских лет, а в воспоминаниях всегда остается только хорошее. Одна из картин жизни окраин мирного Душанбе представлена и в рассказе «Фатя»: «...И вот весенний глинобитный саманный домик-кибитка на *окраине родного моего Душанбе курится, томится, свято живет, дышит, упоает, длится*...

И веет *гиссарский кроткий нежный ветерок с гор близких, мятных, маковых, текущих*, и мы сидим на *младой изумрудной траве во дворике-хавли*, и пьем *гранатовое вязкое уже небесное вино таджикских тучных виноградников*...» [10]; «Ах, дворик, ах, домик, ах, вешний *струящийся на окраине безвинного, беззащитного моего Душанбе*, на *окраине моей спящей невинной, беззащитной, беспомощной Родины*... *Открытой, безвинной, как люлька ребенка*... Уже обреченной...» [10]; «Вот его *безвинная улыбчивая русская жена художница Настя*, влюбленная в *таджикские павлиньи безвинные чаканы, ичиги, изоры, кауши, кувшины, кумганы, джурабы*...» [10]; «...И вот соседи *веселые щедро разгульно пьют гранатовое вязкое дремное шахринаусское вино и едят младой свежебараний дымный*

томный плов... с иранской зирой и афганским перцем, что горит жжет как зороастрийцев священный огонь...

И от вина, и от ветра вешнего, и от плова дымносладного, и от перца афганского, и от любви необъятной человеческой и божественной – все смеются, и обнимаются, и целуются, и плывут, текут, как ручьи весенние, и родными неразлучно становятся...» [10].

Зарисовка мирного города, созданного для любви, творчества, дружеского общения, выстроенного на земле древнейшего народа с богатейшей культурой, сменяется жуткой картиной города, в который пришли война и смерть: «...Но вот в город твой Душанбе пришла смерть!..

Пришла война братская! Война гражданская и люди умирают и живые бегут из домов объятых огнем...

И ты стоишь среди бегущих и ты не умер не убит но город твой при жизни твоей навек прощается с тобой

И ты заживо навек прощаешься с родным городом Душанбе и людьми возлюбленными твоими

И что видишь при жизни то что должно увидеть только *после смерти*

Господь мой! *Что на земле печальней разрушенного гнезда*

А теперь людские родные гнезда *горят у глаз моих...*

И текут со всех гиссарских гор хребтов и регарских холмов весенние ручьи...

И арыки неистово курчаво глиняные бредут у ног моих...

Стоящий и рыдающий среди текущих вод... и бегущих людей и горящих гнезд..

А здесь было детство мое...» [10]. Написано очень лично, очень субъективно, очень эмоционально. Графически это подчеркивается абзацными выделениями. Одно предложение – один абзац (кстати, излюбленный прием Т.К. Зульф리카рова). Синтаксически – через многочисленные умолчания, через авторскую пунктуацию: полное отсутствие знаков препинания в сложных предложениях (при цитации была сохранена авторская пунктуация и орфография). Семантически – через подбор слов с семантикой «уничтожения» («смерть», «умер», «война», «горящих», «разрушенного») и эпитетов («иссушенная жара», «заживо навек прощаешься», «стоящий и рыдающий»), через тончайший выбор цветообозначений. Город и его реалии описаны скупо, при этом много оценочных коннотаций.

В главе «Эшние-Аллауддин лазоревый бирюзовый виноградарь» трагичность образа ночного военного Душанбе создается за счет цветового контраста: «Вот уже *лазоревый* вечер сумерки в родном сиротском нашем убитом военном Душанбе грядут плывут густеют...

И скоро убийцы с автоматами пойдут по улицам пустынным чтобы убивать тех кто не спит и бродит по улицам очарованным *сапфирным сиреневым лазоревым...*

...О мой вечерний родной былой город где люди торопятся в *глухие норы щели пещеры* дома и не узнают друг друга на улицах опасных таящихся...» [10]. Лексемам «глухой», «нора», «щель», «пещера», содержащим сему «темный» и вызывающим ряд ассоциаций: «трагический», «смертельный», «опасный», противопоставлены цветообозначения «лазоревый», «сапфировый», «сиреневый» с положительной коннотацией. В этих цветообозначениях представлены оттенки синего, напоминающего о высоком согдийском небе, древних фресках во дворцах Бактрии, о куполах мусульманских мазаров и мавзолеев. Синий цвет отсылает читателя к богатейшей культуре этой древней земли.

Прием контраста использован и в рассказе «Вика и Джава»: шекспировский сюжет, перенесенный в современные реалии, история любви Ромео и Джульетты XX века – таджикского юноши Джава и русской девушки Вики, чья первая любовь совпала с братоубийственной войной. Дивная осенняя природа пела гимн их любви, только автоматчики, ангелы смерти, не услышали песни великой любви и расстреляли влюбленных во время свидания. Вначале застрелили Джава, прикрывшего собой возлюбленную, а следом

Вику, кинувшуюся к умирающему юноше. «...Вика и Джава лежали рядом на златопадной мягкой усыпляющей листве голова к голове бережно неразлучно неотделимо неотвратно неукротимо...Но не видел я в городе моем объятom войной более счастливых лиц чем эти два задумчивых улыбчивых нездешних лежащих отходящих свято чела...» [10]. Город, созданный для любви, превратился в город-убийцу, который принес смерть, который отнял надежду на будущее.

В Центральной Азии одним из главных обрядов был погребальный обряд. Каждый из народов, проживавших на этой древней территории, по-своему провожал в последний путь навеки усопших. Никогда не было случая, чтобы умерший оставался непогребенным. Война изменила нерушимый порядок вещей. Обезумевшие от войны и страха люди забыли об обычаях предков и перестали хоронить умерших. «...В гражданскую войну некому убирать палую тучную листву...

Дворники боятся шальных пуль...

И золотой глухой листопад намертво бесследно наглухо засыпает землю бездомных дервишей и дряхлые кривые окраинные кибитки и арыки в которых *томятся убитые и не похороненные* в ночных боях...

Пусть златой листопад будет им саваном до первого снега...» [10].

Вспоминая золотой благоуханный город детства, размышляя о судьбе древнего народа, грустный итог подводит Т.К. Зулфикаров в главе «Ночной бой»: «Но все города и империи мира погибли не от того, что не стало в них воды, а от того, что *не стало в них любви*» [10]. Сгорел родной дом – место, куда обычно возвращается человек после странствий и скитаний. Погибли близкие люди. Не осталось на земле места, где любят и ждут. Некуда возвращаться. Пепелище. Запустение. «...Через двадцать лет я посетил родной Душанбе... На том месте, где стоял дом Ахрора – нынче *всемогущая глина и всепобедная трава, куда мы все вновь вернемся*, если Господь не спасет нас...» [10].

Таким образом, маркерами концепта «Город», представленного знаком «Душанбе», становятся, во-первых, лексемы, обозначающие особенности жизни и быта жителей Душанбе (этнореалии): «базар», «дворик-хавли», «дувал», «арык», «кибитка». Они участвуют в формировании национально-культурного слоя концепта. Во-вторых, слова, обозначающие фитонимы: «роза», «чинара», «миндаль», «виноград». В-третьих, слова, обозначающие запахи. Родной город описан Т.К. Зулфикаровым через запахи «ходженского канибадамского миндаля», аромат роз, запах «персидской сирени» и «мятный» ветерок. В-четвертых, через цветообозначения: сапфировый, сиреневый, лазоревый, золотой. Фитонимы, цветообозначения и названия запахов участвуют в создании образа мирного Душанбе. В-пятых, через эпитеты: «безвинный», «беззащитный», «родной», «открытый», «маленький, неказистый кривой блаженный». В-шестых, через метафоры: «земля дервишей», «родное гнездо», «глухие норы щели пещеры дома». Эпитеты и метафоры участвуют в формировании индивидуально-авторского слоя концепта. Выделенные и описанные способы объективизации концепта передают его смысловое содержание.

Анализ лексикографических данных позволяет сделать вывод, что и в индоевропейских, и в тюркских языках городом называли место, определенным образом огороженное, защищенное, возведенное человеком. Этимологические данные, энциклопедические сведения, художественные тексты позволяют выявить следующими компонентами содержания концепта «Город»: во-первых, город – это топос, определенным образом ограниченное и организованное пространство, характеризующееся определенным характером застройки, функциональной предназначенности. Во-вторых, город (точнее персонифицированный город), – это место, населенное людьми. Образ жизни людей, их менталитет создают «лицо» города, его настроение. В-третьих, город – это место с особой, только ему присущей культурой, историей и традициями.

Таким образом, концепт «Город», представленный знаком «Душанбе», включает следующие сегменты смыслов: Душанбе – селение, где по понедельникам работал базар, Душанбе – город у подножья гор, Душанбе – восточный город, с неизменными атрибутами: базарами, арыками, дворами-хавли, дувалами, с глинобитными саманными домиками-кибитками, Душанбе – город, выросший на земле поэтов и дервишей, Душанбе – город, в котором цветут розы и миндаль, растут чинары и виноград, Душанбе – Сталинобад, Душанбе – святой, родной, Душанбе – родное гнездо, Душанбе – город детства и юности, Душанбе – город, созданный для любви, Душанбе – город, переживший гражданскую войну, Душанбе – живое кладбище, Душанбе – город-смерть, Душанбе – город-воспоминание.

Литература

- 1 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 576 с.
- 2 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. – М.: Русский язык, 1978. – Т. 1. – 699 с.
- 3 Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские лексические основы на буквы «К» и «Қ». Выпуск первый / Российская академия наук. Институт языкознания / Отв. ред. д.ф.н. Г.Ф. Благова. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Т. 5. – 364 с.
- 4 Таджикско-русский онлайн словарь // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://sahifa.tj>
- 5 Узбекско-русский онлайн словарь // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://sahifa.tj>
- 6 Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. – М.: Флинта, 2004. – 296 с.
- 7 Касевич В.Д. Буддизм. Картина мира. Язык. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – 288 с.
- 8 Советский энциклопедический словарь. Под ред. А.М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 1600 с.
- 9 Зулфикаров Т.К. Коралловая эфа // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.proza.ru/avtor/nanazu>
- 10 Зулфикаров Т.К. Земные и небесные странствия поэта // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://royallib.ru/read/zulfikarov_timur/zemnie_i_nebesnie_stranstviya_poeta.html#0

Referenses

- 1 Fasmer M. Dictionary of Russian language. In 4 volumes. – M.: Progress, 1986. – Vol. 1. – 576 p.
- 2 Dal V.I. Explanatory Dictionary of Russian language. In 4 volumes. – M.: Russian language, 1978. – Vol. 1. – 699 p.
- 3 Etymological dictionary of Turkic languages. Issue One / Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics / Editor Doctor of Philosophy G.F. Blagova. – M.: Languages of Russian culture, 1997. – Vol. 5. – 364 p.
- 4 Tajik-Russian online dictionary // Internet resource. Access: <http://sahifa.tj>
- 5 Uzbek-Russian online dictionary // Internet resource. Access: <http://sahifa.tj>
- 6 Maslova V.A. Introduction to Cognitive Linguistics. – M.: Flinta, 2004. – 296 p.
- 7 Kasevich V.D. Buddhism. Picture of the world. Language. – SPb., 1996. – 288 p.
- 8 Soviet Encyclopedic Dictionary. Edited by A.M. Prohorov. – M.: Soviet Encyclopedia, 1984. 1600 p.

9 Zulfikarov T.K. Coral viper (snake) // Internet resource. Access:

<http://www.proza.ru/avtor/nanazu>

10 Zulfikarov T.K. Earthly and heavenly journey of the poet // Internet resource. Access:

http://royallib.ru/read/zulfikarov_timur/zemnie_i_nebesnie_stranstviya_poeta.html#0